

**Н. В.
УСПЕНСКИЙ**

Николай Васильевич Успенский

Деревенский театр

«В имении землевладельца Бирюкова заведен строгий порядок; сады и леса окопаны глубокими канавами; на пограничных межах и близ так называемых живых урочищ стоят столбы с надписью: „Строго воспрещается ловить рыбу, купаться, стрелять, а также пускать скот...“ Рабочие по звонку отправляются на работу и садятся за стол. Каждая лошадь получает известную порцию с весу. Караульным даны трещотки, свистки и хорошие дубины...»

**Николай Васильевич
Успенский
Деревенский театр**

В имении землевладельца Бирюкова введен строгий порядок; сады и леса окопаны глубокими канавами; на пограничных межах и близ так называемых живых урочищ стоят столбы с надписью: «Строго воспрещается ловить рыбу, купаться, стрелять, а также пускать скот...» Рабочие по звонку отправляются на работу и садятся за стол. Каждая лошадь получает известную порцию с весу. Караульным даны трещотки, свистки и хорошие дубины. С закатом солнца из сарая выпускается десятка два меделянских собак, которые на расстоянии версты чуют икры постороннего человека. Господская контора с утра до ночи занята письмоводством и отправкою рапортов, донесений, просьб и объявлений. Все эти деловые бумаги пишутся так:

Рапорт за № 1235

«Препровождая вашему высокоблагородию вязанку сучьев, наломанных неизвестным человеком в карнауховской лощине, контора имеет честь известить, что с ее стороны приняты строжайшие меры для отыскания преступника. Подозрение падает на кре-

стьянина деревни Оборвышей Егора Савельева, возвратившегося означенного числа домой неизвестно откуда поздно вечером; в это время господские собаки громко заливались, устремляясь всей стаей – в вышеозначенную лощину, в которой и найдена вязанка сучьев».

Объявление за No...

«Сегодняшнего числа в глухую полночь разразилась страшная буря, раскрывшая у многих крестьян дома, а в барском саду повредившая несколько яблонь, причем садовник видел из своего шалаша два огненных столба на небе».

Рапорт за No...

«Июня 20 дня рано утром на господском яровом хлебе поймана крестьянская лошадь и загнана в сарай для поступления с ней по закону. Но в ночь на 21 июня означенная лошадь внезапно издохла. Несмотря на это, контора отправила ее к мировому судье, вместе с хозяином, которому она принадлежала».

Если к Бирюкову приезжал гость, что слу-

чалось редко, то прежде, нежели отпустить его лошадям корму, контора писала барину: «По случаю приезда господина Зацепляева на паре собственных лошадей контора просит ваше высокоблагородие сделать милостивое распоряжение о выдаче полпуда сена и полмеры овса».

Подобных дел набиралось так много, что барин не успевал подписывать решения вовремя, и резолюция насчет корму лошадей приехавшего гостя делалась через неделю, когда гость давным-давно был дома и ругал Бирюкова анафемой, скрягой и пр.

В один зимний вечер Бирюков сидел за чайным столом с сельским старшиной и священником, беседуя с ними о «новых временах». Очевидно, беседа не могла быть веселою, тем более что в трубе пронзительно гудел ветер, а на улице на разные голоса завывали собаки.

– Не понимаю, отчего это у нас не учат как следует прихожан? – говорил барин, подливая в свой стакан рому, – везде идет такое воровство, такая распущенность, что остается бросить имение и бежать куда глаза глядят.

Вот только того и ждешь, что придут к тебе в дом, оберут всего и пустят в чем мать родила. Третьего дня у меня украли пудов пять сена; у помещика Заплетаева двух лошадей свели; у Стеляева из погреба утащили горшок масла и ковригу хлеба... Ведь это значит, последние времена пришли! Точно живешь где-нибудь в Туркестане, а не в благоустроенном государстве. А все отчего? Оттого, что мужик стал такой же барин: ударить его не смей, ругать тоже... Вот он и знать ничего не хочет... Воля пришла!..

– Конечно, все это от невежества, – заметил священник, разглаживая свою длинную бороду.

– Так я и говорю, – подхватил барин, – что народ этот надобно учить, почаще говорить ему проповеди.

– В запрошлую седмицу... – начал было священник.

– Позвольте! Да ведь как учить надо? Чему учить? Его надо учить уважать чужую собственность... Привести ему разительные примеры, что воровать ни под каким видом не должно... вот что! ведь мошенничество до-

шло до того, что один в Петербурге писатель сочинил для театра пьесу, где всю Россию называет воров... да! Вот до чего дошло! Этот писатель говорит: русский человек на одно только способен: воровать, красть – больше ничего! Совершенно верно! Конечно, о дворянах нельзя этого сказать; но все другие сословия – поголовные воры, особенно крестьяне... Я, признаться, сам сочинил недавно пьеску, только народную, для мужиков, – доказываю, что чужая собственность священна... Мне хотелось дать эту пьесу в каретном сарае: собрать мужиков и разыграть ее перед ними...

– А ведь мысль хорошая! – сказал священник, – богатая мысль! Главное, тут можно доказать наглядно, что воровство – порок! вот что дорого!

– Это что ж такое? – спросил вдруг старшина, с недоумением поглядывая на барина.

– Это, видишь ли, театр, то есть зрелище... Тут, например, ты увидишь настоящего вора...

– Настоящего?

– Да! все вживе представится... вор ли, разбойник ли... как на самом деле...

– Понимаю! – сказал старшина, – стало быть, теперь поймут вора и что же – наказывать будут?

– Видишь, тут актер вместо вора...

Старшина задумался.

– Да он этого не понимает, – сказал барин, – это не его ума дела! Разве он видал когда-нибудь театр? А вот как посмотрит, тогда и поймет, что значит воровство...

– Да-с! мысль, признаюсь, глубокая!

– Позвольте! да что же иначе остается делать? Бить нынче никого нельзя, а об образовании народа никто не думает. Судиться с воровом у мирового судьи нет никакой возможности: во-первых, с вора взятки гладки, он гол как сокол; а во-вторых, только понапрасну потеряешь время на судебные процессы... Одно остается: вразумлять этот народ, и мы первые обязаны об этом думать. Пастырь духовный должен влиять на мужиков посредством проповедей, старшина – посредством внушений и строгого надзора за порядком. Я, как помещик, лишен всего: в прежнее время я знал бы, что делать... А теперь... теперь... поневоле придется (конечно, от нечего делать) думать о

народном театре, хотя я не знаю, осуществится ли мой план...

В это время вошла барыня и, поздоровавшись с сидевшими, села за стол.

– Вы о театре говорили? – спросила она, наливая себе чаю.

– Так точно, сударыня. Я одобряю это намерение.

– А я Павлу Карпычу не советую затевать пустяков. Ну, скажите, пожалуйста, разве мужик пойдет в театр?

– Отчего же? – спросил барин, – да вот старшина может им приказать, ну, водки им купить, как-нибудь завлечь...

– А расходы-то? Ты этого не считаешь?

– Какие расходы? – возразил барин.

– Разумеется!.. Надо заказать декорации, приготовить костюмы...

– Что ты говоришь, мой друг? может ли тут идти речь о декорациях? Ведь это народный театр... повесил какую-нибудь шкуру – вот тебе и декорация.

– Ну, а занавес?

– Неужели ты думаешь, что я буду заказывать и занавес? Напротив: тут положительно

ничего не надо! повесил, например, веретье, вот тебе и занавес. Опять дело в сущности, а не в обстановке...

– Не знаю! – объявила барыня и задумалась.

– Прекрасно! Ну, что же теперь прикажешь делать? что, я спрашиваю? Вот посмотри, доживем до того, что заберутся в наш дом, ограбят и даже убьют...

– Помилуй бог! – сказал старшина. – Это вы, Павел Карпыч, напрасно сумляваетесь...

– Я о себе не думаю, – продолжал барин, – мне жить остается немного... Я готов хоть завтра предстать пред престол всевышнего... но, мне жалко детей! Что с ними-то будет? посудите сами. Не бежать же им в самом деле из своего родового имения...

– Я, Павел Карпыч, – объявил старшина, – как начальник, значит, буду изо всех сил заботиться об образовании мужиков. Соберу сходку и скажу: «Дурачье вы! аль вы угорели! разве можно воровством заниматься?» Вот

какое дело! Вы это останьтесь без сомнения. Ведь уж я как пойду учить, так держись шапка! Я баловать не люблю! У меня строго

насчет воровства.

– Да! – сказал помещик, – вы всё так-то говорите... а дела не делаете... Сколько раз я тебе, старшина, приказывал: учи мужиков, ругай их!

– Да ведь я и то учу! и то ругаю! перед истинным богом, стараюсь! Неужели ж я не понимаю своей обязанности? И то кажыдён кричишь им: «Сиволапые!.. чтоб вам пусто было! разве, мол, смеете таскать барское сено? разве оно для вас накладено! необразованные скоты!» – «Мы, говорят, дай бог провалиться, не трогали...» Как есть, ничего не поделаешь с этим народом.

Старшина развел руками.

– Меня одно утешает, – заметил помещик, – это ваше усердие, решимость действовать на народ... Итак, я надеюсь, что вы по мере ваших сил...

– Помилуйте... то есть себя не пожалеем.

– Не извольте сумлеваться, – добавил старшина. Барин приободрился и повеселел...

– Так как же вы находите мою мысль?

– Мысль ничего! Конечно, затруднение будет насчет актеров.

– Актеров я найду! Вот у меня, например, земский: малый расторопный; вашего сына приглашу... Он вора сыграет...

– Это ему нипочем! Он театральную-то часть понимает... Только роль вора ему не давайте... всепокорнейше вас прошу... потому соблазн...

– Ну, хорошо. Я ему дам роль гнома... Только ему придется поучиться ходить на ходулях...

– Что ж? это можно! Позвольте спросить: стало быть, вы уже сочинили пьесу?

– Она почти готова! придется некоторые места распространить, усилить монологи, закончить характеры. Положим, если и не придется ее сыграть здесь, я все-таки отправлю ее в газету «Весть»⁽¹⁾. Там с удовольствием печатают. И я шутя напал на эту мысль. Сижу раз и думаю: «Чем бы уничтожить воровство? Устроить машину такую вроде капкана – неловко: пожалуй, вор ногу сломает, тогда отвечай за него! Наказывать розгами нельзя... штрафы бесполезны... Одно средство остается: образование... Но ведь народных школ у нас нет...» Как-то однажды пробегаю газету, смот-

рю, там говорится о народных театрах... я и схватился за эту мысль... Да в один вечер и обдумал план пьесы... А разве прочитать вам мое произведение?

– Сделайте одолжение... это очень любопытно...

– Последнее действие ты уже кончил? – спросила барыня.

– Давно! даже эпилог прибавил...

– Так прочти...

– В самом деле! пусть и старшина послушает! ведь он не имеет никакого понятия о театре... Эй! Василий! – крикнул барин лакею, – зажги в кабинете лампу... Вы, господа, не требуйте многого от моего сочинения... Во-первых, я пишу в первый раз, признаться, вынужденный к тому обстоятельствами; во-вторых, пьеса только набросана вчерне... Но что ни говори, а театры для народа необходимы: они могли бы, как справедливо замечают газеты, заменить кабаки и уничтожить пьянство. Разумеется, надо давать пьесы поучительные, с назиданием, что, дескать, воровать не следует, надо уважать старших, повиноваться начальникам...

– Пожалуйте, господа! – поднимаясь, объявил помещик, – старшина! иди и ты! Меня интересует твое мнение, потому пьеса назначается для мужиков.

– Нам не пригоже, – конфузливо заметил старшина, поглаживая свою бороду.

– Ничего! иди! – сказала помещица, – проворов послушать тебе необходимо...

Старшина загромыхал сапогами...

Пришедши в кабинет, он помолился образам и сказал:

– Еще здравствуйте!

– Садись... бери стул!

– Предупреждаю вас, господа, – начал помещик, – сочинение мое только набросано, и я лишь познакомлю вас с планом, с скелетом будущей драмы, которая назначается для мужиков. Я не литератор, не владею искусно пером, – тем не менее строго и неуклонно держусь правды и принципов собственности. Вы увидите, что я хорошо знаком с бытом, для которого назначается сочинение: это, по-моему, самое главное. Наконец, повторяю, что берусь за перо, единственно вынужденный к тому обстоятельствами – мне жаль детей сво-

их...

– Не подать ли тебе воды? – спросила жена. – Хорошо! Итак, приступим к чтению. Барин надел очки и начал:

ВОР

Драма в трех действиях с эпилогом

Действующие лица: Аким, Матрена, странница, гном, писарь и др.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Ночь. Внутренность крестьянской избы. Слабо мерцает лучина. Слышится вой ветра.

Аким (*с полатей*). Что ж, ужинать-то будем?

Матрена. Какой там ужин? печку не топили. Гложи вон хлеб... Да скоро хлеба-то не будет...

Страяница (*с печи*). А все по нашим грехам... старших не почитаем, начальства слушаемся...

Матрена. Известно... (*Акиму*.) Что ты лежишь как пень? Аль не видишь, сколько снегу в избу навалило? Скоро померзнем все!..

Аким. Что ж теперь делать?

Матрена. Аль не знаешь? Ступай добывай дров!

Аким. Где я их добуду?

Матрена. Вестимо, в барском лесу... опричи где же! у барины лесу много!

Аким (*злобно*). Недаром говорится: баба – тот же сатана: ишь ведь что задумала? воровать господский лес! Тьфу! окаянная! Чем бы мужа отвести от греха, а она вон что!

Матрена. Ну и лежи когда так! Вон у ребя-тенюк одежды нет: посинели, как галчата... да и все померзнем, должно быть!

Странница. А все сами виноваты... Есть песня такая, нищая братия поет: «Мы божьего читанья не слышали, заутреню просыпали, леность нас одолела...» – вот какое дело!

Матрена. Ох! Это все правду ты говоришь, божья странница... Как же теперь быть-то? Ведь уж так пришло плохо, просто деваться некуда: изба раскрыта, скотина с голоду померла. (*Плачет.*)

Странница. Терпеть надо, милая моя!..

Матрена. Господи! мороз какой! (*Закутывается в веретье.*)

Странница. Мороз оттого, что скоро придут

Спиридоны повороты... а вот наступит весна, тогда тепло будет: прилетят разные птицы из-за синя моря... расцветут цветы разные... (*Помолчав.*) Ишь у вас и изба-то не конопачена: снег на печку летит...

Матрена. Погибли мы, окаянные! Аким (*сердито*). Будет вам молоть околесную-то, спали бы!

Матрена. Разве заснешь на таком холоде?..

Лучина гаснет. Женщины засыпают, Аким слезает с полатей и ищет топор.

Аким (*один, в темноте*). Что теперь делать? (*Стоит неподвижно среди избы.*) Неужели воровать? Господи, подкрепи меня! разве можно чужое добро трогать? Ну, а если поймают? что тогда? какими глазами я буду смотреть на добрых людей? Скажут: «Аким вор!» – а там посадят в сибирку! (*Задумывается.*) Странница правду говорит: «Терпи!» – да ведь уже терпел довольно! (*Воем ветер, Аким дрожит.*) Эх, какой холод! Неужели и завтра так же будет?.. Нет! сил моих не хватает! ведь

люди воруют же... *(Берет топор.)* Эх! Была не была!.. *(Задумывается.)* Что я делаю? куда иду? враг-то как тянет!.. *(Уходит.)*

КАРТИНА ВТОРАЯ

Поле. В глубоком овраге идет Аким по направлению к барскому лесу.

Аким. Что я задумал над своей головой? а? хорошо ли это? на погибель свою иду! *(Останавливается в ужасе.)* Что я вижу?..

Является гном ростом до небес.

Гном. Куда идешь, безумец? Как ты смеешь покушаться на барский лес? Заблудшая овца! Свинья ты этакая!.. разве для тебя растил, лелеял барин этот лес? Неужели ты думаешь, что твое преступление пройдет для тебя безнаказанным? Вспомни: нет тайны, которая бы не открылась! Ты жалуешься на бедность, на холод... Прекрасно! Но разве ты не знаешь, что делать в таком случае? Необузданный дурак! вор! отвечай: куда идешь?

Аким падает в бесчувственности.

Опомнись, неблагодарный! Не вам ли дали волю, новый суд, личную свободу... воззвали из ничтожества и сделали гражданами... Сволочь!!! Помни: воровство тебе даром не пройдет! Помни! Помни... обо мне!.. *(Скрывается. Метель. Вдали воют волки.)*

Аким *(приходя в себя)*. Где я? Что со мной? Какой-то богатырь приходил, запретил мне идти в барский лес! Что это значит? Как бы со мной чего не случилось... Сердце так и бьется, как будто чувствует что-то недоброе!..

Слышно вдали пение петуха. На востоке медленно разливается свет.

Однако заря! Если воровать, так воровать скорее... а то будет поздно... Но что, если опять встретится богатырь? Нет, это была нечистая сила, тьфу!.. *(Крестится.)* Она в полночь является... иду!..

Опять пение петуха и ожесточенный рев волков.

Как бы волки не съели? У них теперь свадьба... Ах, тяжело мне... чувствую, что погибну... *(Поет.)*

Ты-ы-ы возойде-е-е-ешь, мо-о-о-о-я заря-я-я.
Взгляну в ли-ицо-о-о твое-е-е,
По-о-сле-едня-я заря-я-я...
(Громко.)
На-а-астало время мое.

Волки подхватывают.

О боже! тяжело на пытке умирать!..
(Поет, вспоминая сына.)

Оста-а-ался птенчик... Ванюша...

(Решительно.) Нет! лучше погибну, нежели вернусь к семье без дров. *(Держа перед собою секиру, уходит.)*

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Густой барский лес.

Аким. Какая глушь и тишина... лишь ворон пролетит, да вьюга прошумит... Как бы караульный не услышал?.. *(Прислушивается.)*

Кажись, никого нет... *(Рубит.)* крепкое дерево! вышла бы знатная грядка или сошка! Что я делаю... Хорошо ли это? Безумец, ты раскаиваешься, а все-таки рубишь чужой лес... не бессовестная ли ты свинья! Ты ведь знаешь, что это деревцо годится твоему барину. Ну, вдруг понадобится ему сошка или грядка, он скажет: «Где это тут дубок рос? Куда он девался?» Опомнись, невежа! Неужели на тебе креста нет? у твоего барина тоже есть семейство, которому есть, пить надо... ведь господам от вас, воров, житья нет! грабители! скоты!..

Дерево падает.

Свалил! и сам не знаю, что со мной делается. Совесть говорит: «Не руби!», а руки так и ходят, так и ходят... кажись, весь лес – вырубил бы... а это что? Все зависть наша! вон хорош стоит орешник. *(Подходит к другому дереву.)* Опомнись же, наконец!.. *(В испуге.)* Господи! что со мной?..

С ветвей дуба спускаются косматые руки и поднимают мужика за волосы...

Леший. Ха-ха-ха!..

Хор ведьм

*Во слободке за рекой
Ждут Акимушку домой...
Он лес барский воровал,
Да вдруг без вести пропал...*

ЭПИЛОГ

Поле. Матрена и Агафья стоят на дороге.

Агафья. Что мы слышали: твой муж пропал?

Матрена. И то, родимая! целую неделю искали его... А потом нашли в лесу!.. замерз...

Агафья. Ведь он барский лес воровал?

Матрена. Правда твоя! Известно, бог наказал... осталась я теперь с маленькими ребятишками – и не знаю, куда голову приклонить...

Агафья. Сами виноваты, Матренушка!

Подъезжает писарь.

Писарь (*Матрене*). Ты жена Акима?

Матрена. Я, батюшка!

Писарь. Тебя требуют в волостное к допросу...

Матрена (*Агафье*). Ну, Агафья, прощай! Скажи всем своим, чтобы другу-недругу заказали воровать барский лес... Чужое добро впрок нейдет!

Едет с писарем. Небо темнеет. Завывает вьюга.

Голос свыше. Бесчувственные!

– Ну, как вы находите? – спросил Бирюков слушателей.

– Превосходно! на театре будет страсть что такое!

– Я нарочно так писал... Ну, а ты, старшина, что скажешь?

– Занятная история. Что значит воровать барский лес!..

– Еще я задумываю написать водевиль в одном действии, под заглавием «Лошеводы»... Это пойдет вместо дивертисмента. Что ж делать, господа... надо же как-нибудь уничтожать воровство.

Наконец, гости распрощались с хозяином, пожелав ему счастливого успеха.

1868

Комментарии

«*Весть*» – выходившая в Петербурге с 1863 по 1870 год газета реакционно-крепостнического направления.

[^^^]